

БН БМ 10.22
10.22

Б.Б. МАМРАЕВ

Кавказская литература
первой четверти XX века

Б. Б. МАМРАЕВ

Казахская литература первой четверти XX века

Монография

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Астана-2012

82.512.122.09
УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 Қаз
М 226

Утверждено к печати Ученым советом
Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова МНАН РК

Рецензенты:

Тлепов Ж. – доктор филологических наук

Ергобек К. – доктор филологических наук

Ответственный редактор

Сатпаева Ш.К. – член-корр. Академии наук РК

М 22

Мамраев Б.Б.

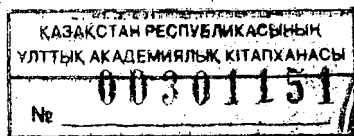
Казахская литература первой четверти XX века:

Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Астана: Фолиант,
2012. – 280 с.

ISBN 978-601-292-639-2

В монографии рассматривается один из сложнейших периодов истории казахской литературы – первая четверть XX века. Автором предложено по-новому осмыслить основные тенденции развития национальной литературы с вовлечением в научный оборот творческого наследия репрессированных писателей рассматриваемого периода. Им раскрыты закономерности и особенности эволюции художественного слова, введена новая периодизация истории литературы начала века, в системно-сравнительном аспекте освещены особенности литературного процесса, обусловленного закономерностями развития казахского общества начала столетия.

Предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов филологических специальностей.

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 Қаз

ISBN 978-601-292-639-2

© Мамраев Б.Б., 2012

© Издательство «Фолиант», 2012

Ергобек К.

Предисловие

*Светлой памяти моих родителей
Баймагамбета и Бибилайши*

Исследование казахской литературы начала 20-го столетия, воссоздание процесса художественной мысли является одной из важнейших проблем современного литературоведения. Постановка и разрешение методологически определяющих, концептуально значимых вопросов литературного процесса данного периода необходимы в плане постижения в первую очередь истории художественной культуры, важны они и для понимания современных проблем художественного творчества.

Период с декабря 1988 года – время окончательной реабилитации крупнейших казахских поэтов и писателей – предоставил колоссальную возможность и богатейшие факты для воссоздания целостности литературного процесса начала XX века, отсутствие которой не обеспечивало полноты позна-

ния и научно-объективной оценки историко-культурной жизни Казахстана рубежа веков.

Между тем казахская литература этого сложного периода как объект научного изучения определилась уже в трудах М. Ауэзова*, С. Сейфуллина, Ж. Аймауытова, С. Муканова, М. Жолдыбаева, Г. Тогжанова и других [1-6]. Позднее различным аспектам и проблемам литературы начала века посвящают свои исследования Е. Исмаилов, К. Жумалиев, Б. Кенжебаев, К. Жармагамбетов, И. Дуйсенбаев, А. Коныратбаев, Б. Шалабаев, К. Шаменов, А. Дербисалин, Т. Нуртазин, А. Нуркатов, Т. Абдрахманов, Р. Бердибай, С. Кирабаев, Т. Какишев и другие [7-16].

Кардинальное изменение исторического развития огромной державы, ее распад, образование независимых государств предоставило народам возможность изучения собственной истории. Углублению научного потенциала современного литературоведения способствовала официальная отмена партийных постановлений. Однако количество нынешних научных трудов и публикаций обусловлено скорее постоянным, даже во времена единой и управляемой идеологии, непреходящим интересом к своему прошлому, нежели просто эйфорией от «мудрого» решения – постановления ЦК КП

*Работа была запрещена и переиздана только в 1991 г.

Казахстана. Историческая и человеческая память, которая преодолела в себе фрагментарность, способствовала появлению монографических работ о жизни и творчестве выдающихся деятелей литературы конца XIX-начала XX века и художественном процессе известных ученых З. Ахметова, С. Кирабаева, З. Кабдолова, М. Базарбаева, Ш. Сатпаевой, Ш. Елеукенова, Т. Какишева, Р. Бердибая, Р. Нургали, Б. Кундакбаева, Ж. Исмагулова, К. Сыдыкова, М. Жармухамедова, А. Еспенбетова, Б. Майтанова, З. Бисенгалиева, У. Субханбердиной и многих других [17-34].

Возвращение творческого наследия Шакарима Кудайбердиева, Ахмета Байтурсынова, Алихана Букейханова, Гумара Карашева, Мыржакыпа Дулатова, Магжана Жумабаева, Жусипбека Аймауытова, запрещенных ранее некоторых крупных произведений Султанмахмута Торайгырова, а также других художников слова позволяет нам сегодня восполнить пробелы не только в истории литературы.

Проблема историко-духовной реабилитации воспринимается намного шире, поскольку начало века останется в истории народа как эпоха, выдвинувшая на общественно-политическую и художественно-культурную арену не только названных поэтов и писателей, но и историков, юристов, экономистов, ставших фигурами общегосударственного масштаба.

Среди них Б. Каратаев, Р. Марсеков, Х. Досмухамедов, Ж. Акпаев, М. Тынышбаев, К. Тогусов и многие другие. В этом плане исследование настоящего периода позволяет наряду с разрешением чисто литературоведческих задач представить и целостную картину исторической эпохи. Данное обстоятельство немаловажно, ибо мы знаем, что в истории народов мира есть периоды, когда художественная культура стоит как бы вне конкретного исторического времени.

Казахская литература начала XX века осмысливается сегодня в первую очередь как литература, обращенная к своему времени, к проблемам своего дня непосредственно. Это, вероятно, предопределило и ее жанровую ориентацию, и выбор художественно-изобразительных средств, и в целом саму тематическую ориентированность. Однако подобная оценка имеет и немало недостатков. Она является лишь общим, внешним ощущением, восприятием художественной картины начала века. При всем единстве целей и задач, стоявших перед художниками, каждый из них оставляя за собой право собственного видения окружающего мира, и это всецело зависело от его таланта.

С другой стороны, проблемы человека и проблемы общества, поднятые казахской литературой в начале века, продолжают оставаться актуальными в его конце, в канун нового столетия.

Подобным кратко изложенным вступлением уже объясняется актуальность и значимость обращения к обозначенной теме. К тому же, если брать во внимание необходимость систематизированного, комплексного изучения особенностей развития казахской литературы начала века, то актуальность исследования еще более возрастает.

Глава 1

Социально-культурная парадигма и литературный процесс

Рассмотрение литературного процесса, тенденций и внутренней динамики его движения, а в целом художественно-культурного развития всего общества неразрывно связано с самой действительностью. Взаимозависимость литературы и жизни в равной степени позволяет объяснять закономерности как данной реальности, так и ее художественного отображения.

Литература, как вид художественного творчества, по своей природе и функциям – явление социальное. Продуктивному осмыслению исторического движения литературы во временном аспекте способствует рассмотрение этого явления в координатах общественной истории.

В 1990 году, в начальный период нового, научного осмысления истории казахского художественного слова, особенно периода начала 20-го столетия, З. Ахметов обратил внимание исследователей на ряд важнейших теоретических посылок, среди которых наиболее интересной представляется сле-

дующая мысль ученого. Он пишет, что «понимание развития художественной литературы как процесса *важно в методологическом плане* (курсив наш – М.Б.), ибо дает возможность в полной мере учитывать социальные, исторические параметры в художественном мышлении, рассматривать литературные явления и факты в соотношении с эпохой, социальными преобразованиями, и в то же время с внутренними закономерностями самой литературы, ее художественным своеобразием, национальными литературными традициями. Своеобразие казахского литературного процесса начала XX века можно понять лишь в том случае, если рассматривать литературу в неразрывной связи с историческим развитием общества, важнейшими социальными событиями предреволюционных лет» [34, с. 30].

Однако только определение социальной детерминации художественных явлений не способно раскрыть всего их многообразия, хотя сама по себе данная проблема достаточно широка и ведет к уяснению такого важного вопроса гуманитарной науки, как литература и социология. В данном случае нас интересует идея социальной детерминации прежде всего как социально-политическая обусловленность, имеющая непосредственное отношение к истории литературы.

Художник, не познавший объективные законы действительности, не представляющий ясно историю развития человеческого общества, никак не может претендовать, с одной стороны, на создание подлинно художественного произведения, отображающего саму жизнь, с другой – вряд ли это творение повлияет на качественное изменение личности и общества. Иными словами, талант художника, как изначально природный дар, имеет возможность своего развития при соблюдении целого ряда объективно-субъективных условий, определяющим среди которых является знание глубинных законов жизни в равной степени как человеческого общества, так и отдельной личности.

Задача литературоведа в данной ситуации не менее сложна и ответственна. В первую очередь ему надлежит профессионально оценить художественное творение как явление духовное и социально значимое. Принципы этой оценки вырабатываются литературоведческой наукой исходя из основного постулата: то творение велико, в котором чувствуется жизнь и которое создано по законам высокой художественности.

Развитие капиталистических отношений в силу своих закономерностей стимулировало поиски новых источников дешевого сырья и выгодных рынков сбыта, требовало расширения сфер господства за счет колонизации неосвоенных районов Российс-

кой империи. Конец XIX-начало XX столетия характеризовался усилением колонизации обширной территории Казахстана за счет изъятия огромных массивов лучших земельных угодий у казахов и массового переселения обнищавших русских крестьян, которые шли нескончаемым потоком по великой казахской степи в поисках «земли обетованной»*.

Колонизаторская политика, как бы сегодня мы ни пытались объективно разобраться в ее причинах и следствиях, находя в ней и прогрессивные стороны, является ни чем иным, как порабощением слабого государства более сильным. Колонизация неминуемо ведет к разрушению, изменению устоявшего веками уклада жизни порабощаемого народа, откладывает отпечаток на его психологии, разрушает духовные ценности (языковое различие порождает в лучшем случае непонимание и, следовательно, невосприятие этих ценностей)**.

Иными словами, колонизация нарушает естественный ход человеческой истории. Закон диалектического развития мира, открытый Гегелем, состоит из спирале-

* Этот исторический факт получил достаточно широкое освещение в демократической русской литературе начала века. Вся суть переселенческой политики царизма в обнаженном виде отображена в произведениях М. Пришвина, Д. Мамина-Сибиряка, Г. Гребенщикова, А. Сорокина и других.

** Общеизвестно мнение А. Гумилева относительно того, что татаро-монголы проявляли терпимость к христианской вере, не оскверняли православных церквей, хотя некоторые публицисты-историки пытаются нас уверить в обратном. Тем не менее, иго монгольских завоевателей рассматривается как величайший тормоз на пути развития восточно-славянских народов...

видного и скачкообразного моментов и вовсе не дает основания для оправдания любой колониаторской политики, к тому же суть которой не содержит «благих намерений». Царизм не только разрушал менталитет казахского народа, но и жестоко подавлял любые попытки борьбы народа за свободу и независимость.

Высказывать подобные суждения вынуждают реалии сегодняшнего дня, когда происходит очередная ломка общественного сознания и общественной психологии. Казахстан в конце XX века оказался в силу исторических обстоятельств и своего развития перед теми же вопросами и проблемами, что и в начале столетия: по какому пути идти дальше, какую форму общественного устройства выбрать и развивать, чтобы встать вровень с развитыми государствами мира.

Сложность современного выбора многократно увеличивается тем, что сегодня Казахстан – не мононациональное и полукочевое государство, а духовное состояние общества, его культурно-образовательный уровень несравнимо высок с началом века. Правильный выбор дальнейших общественно-политических и социально-культурных ориентиров требует вдумчивого и бережного обращения с историей государства. Вот почему так важно перелистать страницы собственной истории, многие из которых открылись народу сравнительно недавно.

В определение задач работы, как исследования, входит воссоздание литературного процесса нача-

ла века без отрыва его от социально-исторических процессов. Динамику развития художественной мысли возможно проследить только в соответствии с событиями социально-политической истории. Важнейшие события начала века, отразившиеся на духовном состоянии казахского общества, широко известны и хронологически таковы:

- русско-японская война 1904-1905 годов;
- русская революция 1905-1907 годов;
- первая мировая война;
- интенсивное переселение крестьян в Казахстан в 1905-1913 годах;
- национально-освободительное движение 1916 года;
- русские революции 1917 года.

Если одни из перечисленных исторических фактов явились резонансом русской истории в Казахстане, то другие – как собственно история Казахстана, но в целом все они были «зафиксированы» в художественных летописях казахского народа, рассмотрение которых поможет нам отчасти выявить основные тенденции развития казахской литературы начала века. При этом отбор литературно-художественного материала диктовался не стремлением представить его с исчерпывающей полнотой, что явилось бы методологической ошибкой, а, прежде всего, тем, в какой мере этот материал выражает существенные тенденции, закономерности литературного развития, его качественно новые этапы.

Между тем, бурное развитие казахской литературы в начале XX века нельзя объяснять, исходя лишь из общественно-политической ситуации того периода. Это было бы явным упрощением проблемы. Необходимо учитывать внутреннюю динамику литературного процесса, ее поступательный характер. История знает немало примеров, как в период обострения общественно-политической обстановки расцветает прежде всего публицистическая литература, способная, в силу своего жанрового своеобразия, быстро реагировать на запросы дня. Настоящая литература зиждется, как правило, на уже достигнутом, на опыте предшествующих поколений, на художественном анализе истории.

К началу нового столетия казахская литература прошла многовековой путь художественного освоения мира. Во всех пластах жизни казахского народа Слово, в особенности художественное Слово, занимало важнейшее место. Вся система художественно-изобразительных средств литературы конца XIX-начала XX веков определена, и это является национальной особенностью казахской литературы, богатой многообразной фольклорной традицией и индивидуальной устной и классической поэзией XV-XVIII веков, отображенной в творчестве акынов и жырау. Вне этого духовного богатства народа невозможно понять природу художественной культуры XIX-начала XX веков.

Политика царизма в области культуры и религии, общественного устройства покоренных земель была продолжением политики колониального господства и превосходства метрополии над колонией. Менталитет метрополии заключался в признании себя носителем Цивилизации с большой буквы, а казахов – «варварами» и «дикарями», которых Россия благодетельствовала. Следствием этого стал политический и культурный патернализм, отрицание гражданских прав покоренного народа. Однако возможность «цивилизации дикарей» не отвергалась полностью, и те, кто овладевал грамотой и усваивал европеизированные манеры поведения, могли занять определенное место в ряду «цивилизованных».

Русские завоеватели долгое время видели в местных жителях «туземцев». В понятии «туземец» отрицались личность, ее экономические и политические права, не говоря уже о культурных притязаниях. «Называя исконных обитателей завоеванных земель туземцами, «цивилизованный» человек лишает их человечности, полностью отождествляя с флорой и фауной. А отношение к фауне и флоре может быть двояким. Либо это гнус и сорная трава, подлежащие искоренению, либо это ценные ресурсы, которые нужно разумно эксплуатировать», – отмечал известный английский историк А.Дж. Тойнби [35].

Фактом, характеризующим особенности социально-духовной жизни казахского общества конца XIX-начала XX веков, является усиление тяги к образованию. Это было связано со всеобщим оживлением общественной жизни всей империи, и, в первую очередь, с активизацией деятельности первых казахских интеллигентов (Ч. Валиханов, Ы. Алтынсарин, А. Кунанбаев), выступавших за получение образования, приобщение к мировым культурным и художественным ценностям. Но самая, на наш взгляд, веская причина – высокое место образования в иерархии духовных ценностей казахского народа. Люди, получившие образование, традиционно занимали высокое место в обществе.

Столь широкой активизации интереса народа к духовной культуре и образованию способствовало зарождение и становление во второй половине XIX века казахского просветительства. Развитие просветительства на рубеже веков имело свои особенности: в этот период оно оказывается тесным образом связанным с зарождением и ростом казахской интеллигенции. Окончательное вхождение Казахстана в состав Российской империи привело к включению Казахстана в регион распространения русской, а через нее – и европейской культуры.

Во второй половине XIX века преобладала, за редким исключением, традиционная система мусуль-

манского образования. К концу века и началу 20-го столетия получает распространение русско-казахское обучение.

Проблемы русского образования до сих пор остаются не до конца изученными, поскольку долгие годы они рассматривались лишь с позиции прогрессивности присоединения Казахстана к России. Однако многие аспекты требуют к себе внимания, например, реальная степень вовлеченности казахов в русские школы в Степном и в русско-туземные в Туркестанском краях. Хотя главная цель этих школ – обрусение казахских детей: привитие им чувства превосходства русского над родным тщательно маскировалось, родители не могли не видеть, что большинство детей, обучаемых в этих школах, отрываются от традиций, религии, у них нарушается система передачи традиционных знаний и умений. В результате даже в начале XX века русская грамота особого применения в широких слоях населения не получила, хотя именно лишь грамотность, то есть умение считать, писать и говорить по-русски были целью этих школ.

В исследованиях советского периода по истории и культуре казахов принцип оценки образовательного уровня казахского общества по степени владения русской грамотой был доминирующим. Мусульманское образование в расчет не принималось, что отрицательно сказалось на представлениях об образовательном уровне казахов досоветского периода.

Среднее и высшее образование, будучи доступными главным образом для детей из богатых семей, оставались недоступными беднякам. К этому надо добавить, что деньги, выделяемые на нужды казахского населения, часто использовались не по назначению*, о чем неоднократно писали А. Букейханов [36], А. Байтурсынов, М. Сералин и многие другие деятели начала века.

Вместе с тем выпускники русских школ, институтов и университетов стали инициаторами распространения в Казахстане «новометодной» или джадидской школы в начале XX века. Сторонники этого движения – А. Букейханов, Б. Каратаев, Ж. Акпаев, М. Тынышпаев и другие, как и основатель метода Исмаил-бей Гаспринский (или Гаспрали), получили высшее образование в имперских вузах и смогли, творчески подойдя к нуждам национального образования, синтезировать лучшее из традиционной этнопедагогики с передовыми идеями русско-европейской школы.

Особенностью общественно-политического, социально-культурного развития Казахстана начала столетия является то, что значительная часть просветителей стала лидерами антиколониального, национально-освободительного движения казахского народа. Именно они, вооруженные знаниями

*Этой же проблеме уделялось внимание и на страницах «Айкапа», «Казаха» и других национальных периодических изданий.

родной, восточной, русской, европейской культур, сформировали идеологию национально-освободительного движения начала XX века. Выдвижение литературной интеллигенции (джадидов) в качестве политического руководителя имело традиционные корни и явилось закономерным процессом.

Наиболее значительная по численности и влиянию часть казахской интеллигенции стояла на либерально-демократических позициях. Представители ее были в основном выходцами из имущих классов, имевшими возможность получить блестящее образование. К примеру, А. Букейханов окончил Императорский Лесной институт в Санкт-Петербурге в 1894 году, Ж. Акпаев – юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1902 году, в Петербурге же учились С. Лапин, Б. Сыртанов, Р. Марсеков, Т. Айдарханов, Ж. Сейдалин, М. Тынышпаев и другие. Томские вузы окончили А. Айтбакин, С. Нурлыханов, А. Сеитов, А. Ермаков. Г. Мусгалиев окончил юридический факультет Каирского университета, в 1909-1910 годах побывал в Индонезии, Индии, Пакистане, Японии. Многие из них владели иностранными языками, в том числе арабским, персидским, турецким и были знатоками истории и филологии восточных и европейских народов.

Нельзя забывать, что в начале XX-го столетия национальная интеллигенция, имевшая высшее и незаконченное высшее образование, насчитывала свыше

100 человек. К интеллигенции мы относим выпускников гимназий, прогимназий, учительских семинарий, медицинских училищ, духовных учебных заведений – медресе, а это еще около 700 человек [37].

В этой связи с особой благодарностью следует назвать имя Галыма Ахмедова, писателя, восстановившего несколько сотен имен казахов, получивших высшее образование в университетах и институтах России и других стран. В своей книге «Алаш «Алаш» болғанда» писатель приводит многочисленные историко-архивные данные о выпускниках-казахах российских и других зарубежных высших учебных заведений. Если одни из них – люди широко известные в общественно-культурной жизни Казахстана – Б. Каратаев, Д. Султангазин, А. Биримжанов, К. Айбасов, С. Жанайдаров, С. Нурлыханов, С. Асфендияров, М. Шокаев, Н. Торекулов и другие, то жизнь и деятельность других еще ждет своего исследования: Куатов А. – выпускник Казанского университета 1847 года, Суиншалиев С. – физико-математический факультет Казанского университета (1881 г.), Кулманов Б. – факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета (1886 г.), депутат 1 и 2 Государственных дум, один из руководителей «Алаша», Темиров А. – окончил Санкт-Петербургский университет с медалью в 1890 году, Асфендиярова Г. – Санкт-Петербургский женский медицинский институт (1908 г.), Кушиков А., Султанаев Ж., Тунганчин (Тунгышулы) А. – все они закончили ветеринар-

ный институт в Варшаве (1914 г.). Более подробные сведения по данному вопросу можно почерпнуть из названной книги Г. Ахмедова [38].

Главную свою цель казахские интеллигенты видели в широком просвещении казахов, считая, что темные массы не могут отстаивать свои права, не зная их, не имея письменной культуры, газет, книг, которые послужили бы выработке единых взглядов на насущные проблемы казахского общества.

Идеи «новометодной школы», или джадидизма, были поддержаны казахскими интеллигентами. Основателем джадидизма, как отмечено выше, был Исмаил-бей Гаспринский (1851-1914). В 1883 году 10 апреля в Бахчисарае Гаспринский выпустил первый номер газеты «Тэрджуман» («Переводчик»). Газета выходила до 1918 года, ее долгой жизни способствовали высокие литературные и научные стандарты [39].

В 1884 году Исмаил-бей разработал новую систему обучения, удачно синтезировав традиционные мусульманские ценности с новейшими европейскими методиками обучения и преподавания. Главной идеей нового учения была мысль о единстве всех мусульман, живущих на земле. Хотя создания единого тюркского языка для мусульман России не произошло, метод, приспособленный в регионах, имел большой успех. В 1916 году насчитывалось более пяти тысяч джадидских реформистских школ